

ХАРАКТЕРИЗУЯ творчество Анатолия Ананьева, хочу подчеркнуть: это писатель, который и свои поступки, и творчество свое проверяет очень требовательной меркой — как отнесутся к нему люди. Ведь читатель замечает любую неточность, любую «шероховатость» прозы. Стоит в произведении провалиться неверной, фальшивой ноте — и читательское доверие будет поколеблено. Именно этого А. Ананьев старается не допускать. Его проза всегда ритмически организована, из сотен деталей он отбирает одну-две наиболее характерные, емкие. А главное — умеет увидеть в жизни типическое и, пропустив через призму своего собственного видения мира, бережно переносит его на полотно своих произведений.

Анатолием Ананьевым написано много — романы «Танки идут роллом», «Козыри монаха Григория», «Межа», «Версты любви» и «Годы без войны» (читатель знаком уже с двумя книгами этого романа).

Сразу оговорюсь: настоящие заметки — результат моего личного пристрастия к творчеству А. Ананьева. Критик судит — или должен судить — о художественном произведении объективно (подчеркиваю — объективно), с равным вниманием анализируя и его конструкцию, и стиль, и сюжет, и язык, и лепку характеров. Прозаик же, мне кажется, имеет право на субъективность и отмечает в творчестве своего товарища по цеху прежде всего те грани, что близки и созвучны его видению, его пониманию литературных задач. Скажу прямо и о том, что в моей литературной судьбе Анатолий Ананьев сыграл особую роль. Познакомились мы с Анатолием Андреевичем лет девять назад в Архангельске, тогда я был совсем еще малоопытным газетным репортером. Но молодость и малоопытность вовсе не стали преградой тому, что через месяц примерно А. Ананьев пригласил меня в редакцию «Толстого», весьма и весьма уважаемого литературного журнала «Знамя», где он тогда работал. Разговор был недолгим — через час я с командировкой «Знамения» в кармане шел на Курский вокзал брать билет на знаменитую КМА — так я побывал на Курской магнитной аномалии и написал первый свой в жизни рассказ.

Впоследствии пути-дороги не раз сводили меня с Анатолием Ананьевым, но исходная точка, жизненный порог — все это было заложено в тех первых встречах, и те первые встречи запомнились надолго.

Для меня наиболее характерным, типичным произведением писателя стали «Версты любви», удостоенные Государственной премии РСФСР. В романе тесно переплетены два временных плана: годы войны и годы послевоенные. Неторопливо, будто нарочито замедленно начинается свое движение этот роман. И сначала, казалось бы, ничто не предвещает напряженного драматизма, острых конфликтов, трагического исхода в судьбах его героев. Будничным вечером в гостиничном номере встретились два человека, приехавших в один и тот же город по своим, естественно, разным делам. Короткая вечерняя неторопливая, раскованная, как это нередко бывает между случайными попутчиками, ведут они беседы, охотно рассказывая о себе сокровенное, будучи уверенными, что никогда после не встретятся, а значит, и не пожалеют о, может быть, излишней откровенности. Да и откровенность-то нарастает постепенно, вместе с тем, как усиливается волнение души, обостряется боль памяти.

Композиция романа усложнена: перед нами как бы действие в действии. Внешнее действие — беседы, ужин, встречи этих двух людей — длится в общей сложности несколько часов, но события, вмещенные в эти беседы, охватывают десятилетия. И такому построению романа, этому «почасовому» рассказу как нельзя более соответствуют названия глав: «Час первый», «Час второй», «Час третий» и т. д. и, наконец, «Три четверти часа»... От главы к главе эти лаконичные и будто размеренные названия и впрямь начинают звучать густым и гревожающим боем старинных часов. Вечных Часов Жизни...

По смысловой нагрузке роман четко делится на две части. Главный герой первой (он же рассказчик своей истории) Евгений Иванович Федосов — в прошлом, в годы Великой Отечественной войны, боевой лейтенант, артиллерист, а ныне преподаватель математики. Его собеседник и главный герой второй части — агроном Алексей Пономарев. Линии Федосова и Пономарева внешне не связаны между собой. И все-таки это две органические части единого целого, ибо они сопряжены с судьбой всей страны. Сопряжены они и центрирующим авторским замыслом — показать человека

нашего времени в его нравственных исканиях, в постижении добра и зла, в определении своего места, своей позиции в жизни.

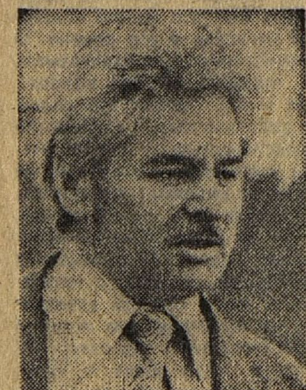
Характерно, что оба героя переживают главные события своей духовной биографии в девятнадцать лет. Для лейтенанта Евгения Федосова — это Великая Отечественная, героическая схватка с фашистскими самоходками, выигранный им поединок в тяжком кровавом бою, поединок, обеспечивший наступательную победную операцию нашим танковым подразделениям. И как чудо, как награда за эту юную смелость и уже (откуда только бралось это?) зрелую упрямую отвагу — встреча с прекрасной Ксенией, девушкой с серебристыми косами, ставшей впоследствии его неизбывной любовью-страданием. Но тогда, после горячки боя, после очарования первой встречи, он еще не знал, какими изматывающими душу «верстами любви» станет для него на долгие годы эта трагическая любовь. Любовь, которая переживает саму Ксению, которая и после ее смерти будет властно звать его в дорогу к местам крова-

маскируясь под народного радельца, он снова пытался греть руки на неустойчивости людских судеб. И когда молодой агроном Алексей Пономарев обнаруживает украденное и спрятанное в конюшне на подворье сельского «благотельца» Моштакое неучтенное колхозное зерно, он вступает в открытый бой с хищниками: Не только личный горький опыт полуголодного военного детства мучительной памятью отзывается в нем, «Рано ли, поздно ли, — пишет А. Ананьев, — но человек не может не мыслить общими категориями: вероятно, это и есть час возмужания, когда ты вдруг осознаешь себя частицей общего, большого организма и движения и развитие общества затрагивает тебя так же, как собственный интерес...» Вот ключ к пониманию развития и становления характера Алексея Пономарева, его связи с народом, социальной активности его личности. И не такая уж беда, что опытным мошенникам удалось на время замести следы и что не добился скорой победы над злом Алексей Пономарев. Нравственная победа Алексея — в его внутренней непримиримости, в незыблемости его гражданской позиции, убежденности в своей правоте.

Свои версты чести и тревоги на жизненном пути проходит и он, свои версты любви к людям, к жизни. А встреча с Евгением Ивановичем Федо-

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

СУДЬБЫ И ГОДЫ...

Анатолий Ананьев

вых боев, неизменно приводя все в те же Калинковичи, что бы не только поклониться могиле любимой, но и помочь ее старой матери и потерявшему себя мужу Ксении, своему бывшему фронтовому товарищу капитану Василию Филеву.

Образ Ксении — образ удивительный, напоминает он светом своей души, самоотверженностью и верностью тех русских женщин, которые следовали за мужьями в Сибирь, уходили с ними в революцию, обрекая себя не только на тяготы и муки, но подчас и на смерть во имя высшей цели — горьковости добра и справедливости, спасения ближнего, по духу родного человека.

Ксения умерла, пожертвовав собой ради спасения другого человека. Не сестру, не заведомую подругу спасала она, а одну из тысяч угоняемых в немецкую неволю русских девушек, ту, что вместе с ней прыгнула из летящего на полном ходу поезда. В мороз, в пургу гасил на себе Ксения эту девочку, отдыхая от усталости и голодной слабости на обжигающем, ледящем спину снегу...

И каждый год, когда приходит на землю весна, когда вспыхивает зеленым пламенем жизнь на земле, взрывается память сердца у седеющего уже человека, Евгения Ивановича Федосова, и, покорный приказу весны и памяти, проходит он снова версты войны, версты любви, версты своей судьбы...

Совсем иные версты отмечала жизнь другому герою романа — агроному Пономареву. На войну он не попал, но многие тяготы сиротского военного детства выпали на его долю. Но вот война позади, и тебе уже девятнадцать. И ты агроном, и отдаешь в твои руки страна израненную, стосковавшуюся по работе и ласке, по обильным урожаям землю. И ты полон сил и гогов животворного, вдохновенного волнения, какое всегда предшествует началу большой самостоятельной работы.

Но не только героизм и самоотверженность рождались в лихолетье войны. Рядом с очистительной бурей народной борьбы, сметающей с одной земли вражескую нечисть, неведь откуда, как плесень после дождя, вылезало мурло стяжателя, спекулянта, вора. Выползал из щелей эдакий добренький и прижимистый, по образному выражению писателя, «мужичок — мучное брюшко» и обирал адов и сирот. И после войны не сразу сдавался, исчезал любитель легкой и жестокой наживы. Искусно

вовым, знакомство с его судьбой и судьбой Ксении по-новому освещают события и его собственной жизни. Когда-то он, по молодости и горячности не сумев доказать свою правоту, доведи до конца разоблачение негодяев (это позднее сделали уже без него), уехал из Долгушина. Теперь же, после встречи с Федосовым, выделив для себя главное в его судьбе и определив это главное как то, что «он (Федосов — В. П.) не давал успокоиться своей душе», Пономарев принимает решение начать жизнь как бы заново и по второму кругу бороться со злом, с его остатками...

Немного о стиле... об особенностях литературного мастерства Анатолия Ананьева. Фраза у него разветвленная, длинная, но она не «пронизывает», а наполнена движением. Она как бы тягивает в водоворот событий и уже не отпускает, пока не закончится глава, не закончится действие. Стиль А. Ананьева легко отличим от стиля других писателей, работающих в этой же теме. Романы его нашли свое место среди известных произведений о войне и послевоенных годах, созданных прекрасными прозаиками Г. Марковым, Ю. Бондаревым, М. Алексеевым, В. Астафьевым, В. Кожевниковым, Ю. Нагибиным, Б. Полевым, В. Распутиным и другими.

Недавно в журнале «Новый мир» была опубликована вторая книга романа «Годы без войны», вобравшего в себя все характерные черты, присущие творчеству писателя. И уже сейчас, несмотря на то, что работа еще не завершена (в работе — книга третья), можно считать, что на суд читателя вынесено произведение масштабное, о котором будет немало сказано и критиками, и собратиями-прозаиками. «Годы без войны» — широкое полотно, где идет речь о значительных в истории нашей страны «верстовых» отрезках времени, когда вершились судьбы целых государств. Во второй книге воссоздана общественная атмосфера середины шестидесятых годов, когда в международной обстановке намечался перелом, и хотя еще кое-где маячили тени «холодной войны», по инициативе Советского Союза страны начали налаживать добрые отношения друг с другом.

В литературе этот сложный межгосударственный, политический, социальный, психологический процесс пока еще не исследован, и голоса Юрия Бондарева, написавшего прекрасный, умный роман «Берег», и Анатолия Ананьева — пока первые голоса. Анатолий Ананьев пристально, кропотливо исследует этот процесс формирования новых отношений между странами, процесс формирования психологии нового человека. Роман населяют люди самых разных профессий, но все они чутко реагируют на любые изменения в климате планеты, в политической жизни стран. Это и профессор-историк Лусо, и инженер-нефтяник Сухогрудов, и дипломат Кудасов, и многие другие...

Разговор об этом значительном романе, повторяю, пока начинается, но он будет продолжен, когда увидит свет третья книга, ибо роман не оставляет равнодушным.

Валерий ПОВОЛЯЕВ